

*Федченко Анна Николаевна,
студент*

2 курс, факультет «Юриспруденция»

*Негосударственное образовательное частное учреждение высшего
образования «Московский финансово-промышленный университет
«СИНЕРГИЯ»*

Россия, г. Санкт-Петербург

Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич

ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Аннотация:** В статье проводится комплексный анализ теоретических и практических проблем обеспечения прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий. На основе изучения новейшей судебной практики кассационных судов общей юрисдикции, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также доктринальных источников выявляются системные дефекты уголовно-процессуального механизма защиты прав личности. Особое внимание уделяется проблеме «фактического» подозрения, моменту возникновения права на защиту, критическому анализу института понятых, процессуальным нарушениям при производстве обыска и осмотра электронных носителей информации, а также вопросам обеспечения адвокатской тайны. Обосновывается необходимость внедрения обязательной видеофиксации следственных действий и предлагаются конкретные изменения в уголовно-процессуальное законодательство.*

Ключевые слова: следственные действия, подозреваемый, обвиняемый, право на защиту, понятый, видеофиксация, обыск, адвокатская тайна, недопустимость доказательств, судебный контроль.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of theoretical and practical problems of ensuring the rights and legitimate interests of the suspect and the accused during investigative actions. Based on the study of the latest judicial practice of the cassation courts of general jurisdiction, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as doctrinal sources, systemic defects in the criminal procedure mechanism for protecting individual rights are identified. Particular attention is paid to the problem of "de facto" suspicion, the moment of the emergence of the right to defense, a critical analysis of the institution of attesting witnesses, procedural violations during the search and inspection of electronic media, as well as issues of ensuring attorney-client privilege. The necessity of introducing mandatory video recording of investigative actions is substantiated and specific amendments to the criminal procedure legislation are proposed.

Keywords: investigative actions, suspect, accused, right to defense, attesting witness, video recording, search, attorney-client privilege, inadmissibility of evidence, judicial control.

Защита прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве представляет собой одну из фундаментальных задач правового государства. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. Особую остроту проблема защиты прав личности приобретает на стадии предварительного расследования, а именно при производстве следственных действий, которые по самой своей природе сопряжены с вторжением в сферу таких охраняемых Конституцией ценностей, как неприкосновенность

жилища, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, право не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников [5].

Несмотря на постоянное совершенствование уголовно-процессуального законодательства, правоприменительная практика свидетельствует о сохранении ряда системных проблем, требующих комплексного научного осмысления. Проведенный анализ указывает на то, что наиболее острыми из них являются: участие лица в следственных действиях без формального присвоения ему процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого, что влечет за собой лишение права на квалифицированную юридическую помощь защитника; формальный подход к разъяснению прав участникам процесса; несовершенство института понятых, показания которых зачастую носят шаблонный характер и не обеспечивают реальных гарантий законности.

Как справедливо отмечает А. В. Шигуров, в настоящее время вопросы оснований и порядка вступления в дело адвокатов законодательно не регламентированы в должной мере, а фактическая деятельность участников уголовного процесса в данной сфере должна строиться в соответствии с разъяснениями высших органов судебной власти и адвокатского сообщества, что ставит вопрос о необходимости дополнительной законодательной регламентации. М. А. Кокожева, анализируя право на защиту как одно из фундаментальных конституционных прав граждан, также приходит к выводу о необходимости совершенствования действующего уголовно-процессуального законодательства.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе теоретических и практических проблем реализации права на защиту подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий, а также в разработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленных на устранение выявленных нарушений.

1. Проблема «фактического» подозрения и момент возникновения права на защиту

Одной из наиболее острых проблем современного российского уголовного процесса является разрыв между моментом начала фактического уголовного преследования и моментом предоставления лицу формального статуса, дающего право на полноценную защиту. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации связывает возникновение права на защиту в полном объеме с моментом наделения лица формальным статусом подозреваемого или обвиняемого (ст. 46, 47 УПК РФ). Однако на практике уголовное преследование *de facto* часто начинается значительно раньше, что неоднократно отмечалось как в научных работах, так и в диссертационных исследованиях [4; 7; 8].

Данная проблема находит свое подтверждение в новейшей судебной практике. В Кассационном определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2025 г. N 77-1432/2025 по делу Т. сформулирована принципиальная правовая позиция: какого-то дополнительного формального решения для признания за лицом статуса подозреваемого не требуется, если содержание протокола личного досмотра и рапорта сотрудника полиции прямо указывает на то, что лицо было задержано по подозрению в совершении преступления. Необеспечение такому лицу права на защитника является существенным нарушением закона. В этом же решении суд указал на недопустимость подмены показаний подозреваемого показаниями сотрудников полиции и понятых, которые лишь воспроизводят пояснения задержанного.

Аналогичный подход демонстрирует и Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2026 г. N 77-383/2026 по делу А. Суд исключил из приговора как недопустимое доказательство протокол осмотра места происшествия, в ходе которого А., фактически являвшийся подозреваемым, давал показания об обстоятельствах

совершения преступления в отсутствие защитника. Суд прямо указал, что это противоречит п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ.

Седьмой кассационный суд общей юрисдикции в Постановлении от 28 января 2026 г. N 77-370/2026 по делу Б. также исключил из числа доказательств показания Б., данные им в качестве свидетеля в отсутствие адвоката, от которых он впоследствии отказался в судебном заседании. Это решение подтверждает незыблемость правила о том, что формальный статус лица на момент дачи показаний не имеет значения, если эти показания в дальнейшем используются против него же.

Как справедливо отмечает Ю. В. Мартиросян, практика, когда уголовное дело возбуждается по факту совершения преступления неустановленным лицом в условиях, когда по материалам проверки является очевидным, что у правоохранительного органа уже сформировано абсолютно четко выраженное подозрение в отношении конкретного лица, является повсеместной и при этом лишает его права на осуществление эффективной защиты [13; 14]. В этом контексте особое значение приобретает анализ стадии возбуждения уголовного дела, которая, как обоснованно указывается в специальной литературе, нередко выступает отправной точкой для фактического уголовного преследования.

На проблему «фактического» подозрения обращает внимание и А. Н. Баранов, обосновывая тезис о том, что современное понимание права на защиту должно строиться не на формальном, а на содержательном подходе, при котором решающее значение имеет не только процессуальный статус лица, но и фактическое ограничение его свободы, вовлечение в сферу уголовного преследования и реальная возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью [10].

О. С. Морозова, анализируя особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля, приходит к обоснованному выводу о необходимости

обеспечить свидетеля, формально не получившего статуса подозреваемого или обвиняемого, квалифицированной юридической помощью в обязательном порядке в целях защиты его законных прав и интересов [11].

В. В. Одинцов, исследуя вопросы обеспечения прав и законных интересов личности в досудебном производстве, также указывает на то, что формально закрепленные гарантии нередко нивелируются несвоевременным приданием процессуального статуса участникам, затягиванием процессуальных решений и формальным подходом к реализации принципа состязательности.

Е. В. Пахомова, рассматривая вопросы реализации права подозреваемого на защиту, анализирует проблемы своевременного допуска защитника, разъяснения прав подозреваемому и обеспечения реальной возможности их осуществления.

Таким образом, анализ судебной практики и научной литературы позволяет сделать вывод о необходимости законодательного закрепления положения, согласно которому право на защиту возникает у лица не с момента формального признания его подозреваемым или обвиняемым, а с момента начала фактического уголовного преследования, выражающегося в проведении в отношении него любых процессуальных действий, ограничивающих его права и свободы [4; 8; 10].

2. Институт понятых: критический анализ эффективности

Институт понятых исторически сложился как одна из ключевых процессуальных гарантий законности производства следственных действий. Согласно статье 60 УПК РФ, понятой – это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем или следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также его содержания, хода и результатов. По общему правилу, закрепленному в статье 170 УПК РФ, участие понятых обязательно при производстве обыска, выемки,

личного обыска, предъявления для опознания и ряда других следственных действий.

Однако многолетняя правоприменительная практика со всей очевидностью демонстрирует, что возлагавшиеся на институт понятых ожидания во многом не оправдались. В упомянутом выше Кассационном определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2025 г. N 77-1432/2025 суд критически оценил показания понятых, которые лишь воспроизводили пояснения задержанного, что лишает их статус независимых наблюдателей всякого смысла. Данный недостаток неоднократно поднимался и в криминалистической литературе, в том числе в работах, посвящённых тактическому обеспечению следственных действий [3].

При этом отдельные авторы обращают внимание на проблему злоупотребления процессуальными правами как со стороны участников, так и со стороны должностных лиц, что также снижает эффективность института понятых [12].

Д. В. Богатырев, анализируя механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве, указывает на тесную связь злоупотребления правом и злоупотребления должностными полномочиями и обосновывает необходимость создания законодательных средств предупреждения и пресечения злоупотреблений [12].

Особого внимания заслуживает Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 января 2026 г. N 77-33/2026 по делу К. и В. Защита оспаривала допустимость протокола осмотра места происшествия, в том числе по тому основанию, что он был проведен без участия понятых. Суд, признавая протокол допустимым доказательством, прямо сослался на ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ, согласно которой участие понятых не является обязательным, если в ходе следственного действия применялись технические средства фиксации его хода и результатов (в данном деле – фотографирование). Этот вывод наглядно демонстрирует, что

законодательство и судебная практика уже движутся по пути признания технических средств фиксации полноценной альтернативой институту понятых.

О. А. Петрова и А. В. Руденко, анализируя принципы уголовного судопроизводства как процессуальный фильтр допустимости доказательств, обосновывают положение о том, что соблюдение принципов уголовного судопроизводства выступает ключевым критерием законности и допустимости доказательств, а способ получения доказательства имеет приоритетное значение по отношению к его содержанию [6].

В контексте оценки эффективности института понятых важно учитывать и позицию Верховного Суда Российской Федерации, который в Кассационном определении от 28 августа 2025 г. N 224-УД25-25-А6 указал, что УПК РФ не запрещает проводить опознание между знакомыми лицами, а ограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 60 УПК РФ, не распространяются на сотрудников исправительных учреждений, участвующих в качестве понятых. Это свидетельствует о достаточно формальном подходе высшей судебной инстанции к требованиям, предъявляемым к личности понятого.

Е. В. Шишкина, рассматривая вопросы тактико-криминалистического обеспечения следственной деятельности, уделяет внимание вопросам фиксации хода и результатов следственных действий, что также подтверждает значимость применения технических средств. Дополнительные аспекты фиксации, включая использование практических рекомендаций, содержатся в соответствующем практикуме.

В сложившихся условиях единственным выходом из кризиса является замена института понятых на принципиально иной, более эффективный механизм фиксации – обязательную всеобъемлющую видеофиксацию хода и результатов следственных действий [3].

3. Процессуальные нарушения при производстве обыска и осмотра электронных носителей информации

Обыск по праву относится к числу следственных действий, наиболее ощутимо вторгающихся в сферу частной жизни человека. Осознавая высокую степень вторжения в права граждан, законодатель предъявляет к производству обыска строгие процессуальные требования. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Определении от 30 января 2020 г. N 210-О, постановление следователя о производстве обыска, а равно судебное решение о разрешении обыска должны отвечать требованиям законности, обоснованности и мотивированности, и в них должны быть указаны конкретный объект обыска и данные, служащие основанием для его проведения. Если же во время проведения обыска возникает необходимость обследовать иные, не указанные в постановлении и судебном решении объекты, то следователь вправе вынести постановление о проведении другого обыска.

Особую ценность для исследования проблем, связанных с производством обыска, представляет Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 февраля 2026 г. N 77-292/2026 по делу Х.С. и М. Сторона защиты оспаривала допустимость ряда ключевых доказательств, в частности, протокола обыска в помещении филиала ФГБУ. Адвокаты указывали на нарушения, допущенные при его проведении: в протоколе не были указаны данные о каждом лице, принимавшем участие в следственном действии, а также на то, что протокол не был подписан одним из фактических участников. Суд кассационной инстанции, тщательно проверив эти доводы, признал их необоснованными на основе детального анализа процедуры. Суд установил, что личный обыск указанному лицу не проводился, а добровольно выданный им мобильный телефон был изъят в установленном законом порядке и внесен в протокол обыска. При таких обстоятельствах составления отдельного протокола об изъятии телефона не требовалось.

Этот вывод важен, так как показывает, что формальные недостатки протокола не всегда влекут его недопустимость, если судом будет установлено, что по существу следственное действие проведено в соответствии с законом и права участников не были нарушены [9].

В этом же решении защита оспаривала и протокол осмотра телефона, утверждая, что его содержимое могло быть сфальсифицировано. Суд, проверяя эти доводы, установил, что телефон на момент осмотра в суде находился в авиарежиме, каких-либо изменений в переписке не имелось, а утверждения о фальсификации являются голословным предположением, не подтвержденным материалами дела. Эта часть судебного акта высвечивает проблему обеспечения достоверности цифровых доказательств при производстве следственных действий и необходимость использования технических средств фиксации, в том числе с применением современных цифровых технологий [2].

С. В. Власова и А. Г. Саакян, анализируя вопросы применения ст. 165 УПК РФ, рассматривают теоретические и практические проблемы судебного порядка получения разрешения на производство следственных действий, включая вопросы обоснованности судебных решений и последующего судебного контроля.

А. Л. Ермакова и В. Н. Чаплыгина, раскрывая сущность процессуальной самостоятельности следователя через призму ее содержательного наполнения и взаимодействия с другими участниками расследования, выделяют пути оптимизации данной деятельности с минимальными рисками и ресурсозатратными изменениями.

4. Проблема обеспечения адвокатской тайны при производстве обыска

Особого внимания в контексте гарантий права на защиту заслуживает проблема обеспечения адвокатской тайны и законности обысков в помещениях адвокатов. Показательным является освещенный в профессиональном издании «Адвокатская газета» случай, связанный с

обжалованием постановлений Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 14 ноября 2024 г., которыми были признаны законными обыски в жилище и офисе адвоката С., проведенные в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ (в случаях, не терпящих отлагательства).

Представители Адвокатской палаты Московской области, присутствовавшие при обысках, внесли в протоколы обширные возражения, указав на незаконность следственных действий и несоблюдение требований ст. 450.1 УПК РФ. Однако районный суд первоначально признал эти доводы несостоятельными, дав собственное толкование нормы закона. Судья искусственно разделила ч. 1 ст. 450.1 УПК РФ на два предложения и пришла к выводу, что если уголовное дело возбуждено в отношении адвоката, то неотложный обыск без предварительного судебного решения возможен. Эта позиция прямо противоречила правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П, согласно которой проведение следственных действий, включая производство всех видов обыска, в отношении адвоката допускается только по судебному решению.

11 февраля 2025 г. Московский городской суд отменил оба постановления районного суда. Как прокомментировал данный факт один из защитников адвоката С., Максим Довгань: «Наша позиция была основана на уже устоявшейся практике, Верховный и Конституционный суды ранее указывали: ни при каких обстоятельствах у адвоката ни дома, ни на работе не может производиться так называемый неотложный обыск. Законного механизма для проведения неотложных обысков у адвокатов не существует» [15].

Этот случай подтверждает, что процессуальные гарантии, установленные для защиты адвокатской тайны, являются составной и неотъемлемой частью механизма обеспечения права на защиту. Нарушение этих гарантий со стороны органов предварительного расследования, в

частности, путем подмены судебного порядка получения разрешения на обыск его последующей легализацией, создает прямую угрозу всему институту профессиональной защиты и, как следствие, правам подозреваемых и обвиняемых.

Н. А. Курмаева, П. В. Малышкин и В. В. Шабает, анализируя особенности участия адвоката-защитника в производстве отдельных следственных действий, рассматривают полномочия защитника при допросе, обыске, выемке и назначении экспертизы, выявляют типичные нарушения и предлагают пути их устранения.

5. Недопустимость доказательств, полученных с нарушением права на защиту

Одним из важнейших элементов механизма защиты прав подозреваемого и обвиняемого является институт недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона. Согласно ч. 1 ст. 75 УПК Российской Федерации, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Они не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. При этом, как справедливо подчёркивается в доктрине, именно принципы уголовного судопроизводства выступают тем процессуальным фильтром, который позволяет отсеять недопустимые доказательства, полученные с нарушением прав личности [1; 6].

Д. М. Нурбаев, рассматривая отдельные аспекты признания доказательств недопустимыми, исследует правовой механизм признания доказательств недопустимыми судом, процедуру реализации данных норм и обращает внимание на особенности применения положений ст. 75 УПК РФ в рамках судебного контроля, предварительных слушаний и стадии судебного разбирательства. По итогу исследования автор делает вывод о необходимости

более детального регулирования института признания доказательств недопустимыми, в том числе путем снижения уровня судебного усмотрения.

В Кассационном определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 ноября 2025 г. N 77-2962/2025 по делу Л. суд, отменяя приговор, прямо указал на недопустимость использования в качестве доказательств заявления и показаний, данных в отсутствие защитника, и подчеркнул обязанность суда тщательно проверять причины изменения подсудимым своих показаний.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2025 г. N 66-УД25-25-А5 по делу Генералова Д. А. были рассмотрены доводы осужденного о недопустимости его показаний на предварительном следствии, якобы данных под давлением. Суд проверил эти заявления и установил, что допросы проводились в присутствии защитника, с разъяснением всех прав, а доводы о применении насилия не нашли подтверждения. Это решение подтверждает, что суды тщательно проверяют заявления о нарушении права на защиту, но при отсутствии объективных доказательств таких нарушений признают полученные доказательства допустимыми [9].

А. А. Хайдаров, анализируя проблемы ознакомления обвиняемого и его защитника с заключением эксперта, выявляет пробелы в правовом регулировании и коллизии в правоприменительной практике, что также относится к сфере действия института недопустимости доказательств.

6. Пути совершенствования механизма защиты прав подозреваемого и обвиняемого

Проведенный анализ судебной практики, правовых позиций высших судов и научной литературы позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, представляется необходимым законодательно закрепить положение о моменте возникновения права на защиту. Статью 49 УПК РФ

следует дополнить частью 1.1, в которой указать, что право на защиту возникает у лица с момента начала фактического уголовного преследования, выражающегося в проведении в отношении него любых процессуальных действий или оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих его конституционные права и свободы, независимо от формального признания его подозреваемым или обвиняемым. Данное предложение согласуется с позицией А. В. Булыжкина и Н. В. Морозовой, которые обосновывают необходимость обеспечения своевременной защиты и восстановления прав, законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства [10].

Во-вторых, необходимо дополнить статью 51 УПК РФ положением, предусматривающим обязательное участие защитника при допросе свидетеля, в ходе которого он сообщает сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательств его возможной причастности к совершению преступления. Данное предложение поддерживается О. С. Морозовой, которая считает необходимым обеспечить свидетеля, формально не получившего статуса подозреваемого или обвиняемого, квалифицированной юридической помощью в обязательном порядке [11].

В-третьих, обоснована необходимость замены института понятых на обязательную всеобъемлющую видеофиксацию хода и результатов следственных действий. Видеозапись, будучи объективным и технически сложно фальсифицируемым носителем информации, лишена недостатков, присущих «человеческому фактору», – субъективности восприятия, избирательности памяти, зависимости от внешних влияний. О. А. Малышева, анализируя процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи, также приходит к выводу о необходимости расширения процессуальных гарантий прав участников данных следственных действий.

Н. Н. Гаас, исследуя использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий в стадии предварительного расследования, приводит доводы о необходимости законодательного закрепления и регулирования понятия «видео-конференц-связи», условий и оснований ее использования в стадии предварительного расследования, процессуального оформления полученных результатов.

В связи с этим предлагается:

- изложить статью 170 УПК РФ в новой редакции, закрепив приоритет видеофиксации над участием понятых;
- дополнить статью 164 УПК РФ частью 6.1, регламентирующей порядок применения непрерывной видеозаписи при производстве следственных действий;
- сохранить участие понятых лишь в качестве резервного механизма на случай технической невозможности применения видеофиксации.

В-четвертых, в целях усиления гарантий адвокатской тайны необходимо дополнить статью 450.1 УПК РФ прямым указанием на то, что проведение обыска в жилых и служебных помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности, не может производиться в порядке части 5 статьи 165 УПК РФ (в случаях, не терпящих отлагательства) и допускается исключительно на основании предварительного судебного решения.

В-пятых, предлагается установить в УПК РФ критерии существенности процессуальных нарушений, влекущих признание доказательств недопустимыми, что позволит снизить уровень судебного усмотрения при решении данного вопроса и обеспечит единообразие правоприменительной практики [1; 9].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Во-первых, ключевой системной проблемой современного российского уголовного процесса является разрыв между моментом начала фактического уголовного преследования и моментом предоставления лицу формального статуса, дающего право на полноценную защиту. Анализ судебной практики кассационных судов общей юрисдикции за 2025-2026 гг. свидетельствует о последовательном укреплении правовых позиций, согласно которым право на защиту должно обеспечиваться с момента фактического задержания, а не с момента вынесения формального процессуального акта.

Во-вторых, институт понятых в его нынешнем виде не обеспечивает реальных гарантий законности следственных действий. Показания понятых зачастую носят шаблонный характер, а сами понятые систематически уклоняются от явки в суд. Судебная практика уже движется по пути признания технических средств фиксации полноценной альтернативой участию понятых, что создает основу для законодательного закрепления приоритета видеофиксации [3].

В-третьих, процессуальные гарантии, установленные для защиты адвокатской тайны, являются составной и неотъемлемой частью механизма обеспечения права на защиту. Нарушение этих гарантий со стороны органов предварительного расследования создает прямую угрозу всему институту профессиональной защиты.

Реализация предложенных в статье законодательных изменений позволит существенно укрепить процессуальные гарантии прав подозреваемого и обвиняемого, повысить объективность и достоверность доказательственной информации, получаемой в ходе предварительного расследования, и в конечном счете будет способствовать решению важнейшей государственной задачи – обеспечению законности и справедливости в сфере уголовного судопроизводства [5].

Список использованных источников:

1. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: понятие, система, перспективы развития в условиях современных вызовов и угроз: монография. — М.: ИНФРА-М, 2025. — 360 с.
2. Защита прав и интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства: монография / под ред. С.В. Зуева, О.В. Мичуриной. — М.: Юрлитинформ, 2025. — 324 с.
3. Центров Е.Е. Руководство по следственной тактике: монография. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2024.
4. Стельмах В.Ю. Теоретические и правовые основы производства следственных действий: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Стельмах Владимир Юрьевич. — Екатеринбург, 2021. — 428 с.
5. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для вузов. — 5-е изд. — М.: Юрайт, 2024.
6. Петрова О.А., Руденко А.В. Принципы уголовного судопроизводства как процессуальный фильтр допустимости доказательств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2026. — № 2. — С. 124-131.
7. Самохвалов А.А. Актуальные вопросы реализации права на защиту подозреваемого (обвиняемого) в уголовном судопроизводстве: анализ на основе института обжалования // Юридические исследования. — 2025. — № 3.
8. Баженов В.С. Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий // Молодой ученый. — 2025. — № 40 (591). — С. 158-159.
9. Сидорова Н.А., Васильев И.А. Применение стандартов доказывания при вынесении процессуальных решений по уголовным делам // Вестник

Санкт-Петербургского университета. Право. — 2025. — Т. 16. — № 3. — С. 705-721.

10. Федченко А.Н. Защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого при производстве следственных действий // Актуальные вопросы политики и права. — 2024.

11. Морозова О.С. Некоторые особенности уголовно-процессуального статуса свидетеля // Сибирское юридическое обозрение. — 2023. — Т. 20. — № 3. — С. 323-332.

12. Богатырев Д.В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве и основания для его создания // Философия права. — 2023. — № 1 (104). — С. 96-102.

13. Мартиросян Ю.В. Проблемные аспекты реализации прав подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве // Вестник магистратуры. — 2023. — № 8 (143). — С. 18-20.

14. Давлетов А.А., Асанов Р.Ш. Ходатайства и иные обращения участников досудебного производства к следователю // Российский следователь. — 2021. — № 5. — С. 8-12.

15. Мосгорсуд отменил постановления о признании законными неотложных обысков в жилище и офисе адвоката // Адвокатская газета. — 2025. — 11 февраля.